

Байкова Екатерина Владимировна

РАСТИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ТАТАРСТАНА

В статье представлены структурно-семиотическое исследование растительных мотивов в Средней Азии и Татарстане, детерминация их появления в орнаментальных изображениях культур этих регионов. Выделены лежащие в основе функции защиты и культ плодородия. Интерпретируются народные представления о бессмертных садах мусульманского рая, фантастические и реальные растительные формы, окружающие обитателей оазисов. Сравниваются растительные культы и орнаменты горных и равнинных районов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 15-18. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Винтерхофф-Шпурк П.** Медиapsихология. Основные принципы. 2-е изд-е, испр., перераб. и доп. / пер. с нем. А. В. Коченгина, О. А. Шипиловой. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 268 с.
2. **Вспоминая Маршалла Маклюэна** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcluhan.ru/articles/vspominaya-marshalla-makluena/> (дата обращения: 21.07.2017).
3. **Интернет против телевидения: битва продолжается** [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 3367 от 03.05.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 21.07.2017).
4. **Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorelli N.** Living with Television: The Dynamics of Cultivation Process // Perspectives on Media Effects / ed. by J. Bryant, D. Zillman. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1986. P. 17-40.
5. **Willifms R.** Television. Technology and Cultural Form. Hannover – L., 1992. 234 p.

THE ROLE OF TELEVISION IN MAN'S LIFE

Akimova Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University
akira29@mail.ru

This article is devoted to the analysis of television as the main means of mass media having its own specificity. Modern television, conceived as a means of democratization of the society and the possibility of increasing its educational and cultural level, turned out to be able to generate new sociocultural “media” reality. Television is able to influence insensibly a person’s perception of the surrounding reality and to formulate attitudes and opinions about the social world.

Key words and phrases: mass communication; television as communication; television and socialization; domestic culture; media reality; cultivation of beliefs.

УДК 7.048; 72

Искусствоведение

В статье представлены структурно-семиотическое исследование растительных мотивов в Средней Азии и Татарстане, детерминация их появления в орнаментальных изображениях культур этих регионов. Выделены лежащие в основе функции защиты и культ плодородия. Интерпретируются народные представления о бессмертных садах мусульманского рая, фантастические и реальные растительные формы, окружающие обитателей оазисов. Сравниваются растительные культы и орнаменты горных и равнинных районов.

Ключевые слова и фразы: растительные мотивы; Татарстан; Средняя Азия; сузани; сюзане.

Байкова Екатерина Владимировна, д. культурологии, доцент
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
baykovaekaterina@yandex.ru

**РАСТИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И ТАТАРСТАНА**

В визуальном искусстве признаки, выявляющие сущность предмета или изображения, во всех случаях имеют универсальный характер и могут быть применены как калька в любом художественном тексте зрительно воспринимаемых объектов. Именно такими информативно значимыми признаками обладает растительный орнамент, использовавшийся во всех видах искусства мусульманской культуры, занимая лидирующее место.

Орнамент в мусульманских странах имел особое место и особое значение почти единственно дозволенного изображения, преломлённого через геометрию рисунка, он сохранял живой образ окружающего мира.

В архитектуре этой цивилизации в ряде случаев использованы геоморфные образы, задействованные и как предмет поклонения, и как элемент декора или конструктивной системы.

Несмотря на сходство мотивов и общности идеи, существенно различается образная система этих культур, каждая из которых предполагает отражение скотоводческих и земледельческих культов. Разное географическое местоположение, климат и иное окружение цивилизаций наложили свой отпечаток. Строжайшая регламентация изображений всё же не исключает региональные особенности этих очень разных в сущности культур, объединённых в единую мусульманскую цивилизацию.

Крупнейший английский арабист Х. А. Р. Гибб дал определение термину «мусульманское искусство» – явление, раскрывающее универсальные стилеобразующие черты художественной культуры мусульман, в этом контексте он также отмечает специфику «исламского искусства», под которым он подразумевает художественную культуру в основном мусульманского средневековья на огромном пространстве от Индии до Испании. «Общность искусства мусульманского мира раскрывается как в пространстве, так и во времени, что обусловлено религиозно-философским мировоззрением, приверженностью эстетическому канону и идеалам

прекрасного. Наделенное определенными унифицированными чертами мусульманское искусство включает в себя своеобразие исторически сложившихся географических провинций и национальных художественных школ, оно развивается в рамках региональных и локальных культур» [2, с. 103].

Культура татар Среднего Поволжья

Принятие ислама волжскими булгарами включило их культуру в обширный мир мусульманской цивилизации, эта историческая метаморфоза предопределила дальнейший путь народа и его художественной культуры. В национальном искусстве наряду с этническими традициями получили развитие традиции, привнесенные из других мусульманских стран.

Однако на территории Среднего Поволжья, где сформировалась национальная культура татар, тенденции мусульманского искусства в большей степени относятся к городской культуре, нежели к древней этнической традиции, сохранившейся в небольших селениях. Впрочем, и в народном искусстве со временем всё больше стало ощущаться влияние ислама.

Материальная и духовная культура татар «восходит в своем генезисе к древнетюркской цивилизации, является своеобразным синтезом древних кочевых традиций “степной” культуры с культурой оседло-земледельческой» [5, с. 67]. На раннем этапе исламизации этой территории арабские надписи встречались синхронно с тюркской руникой. С XVIII века европейские тенденции всё больше проникают в эту культуру. Со второй половины XIX в. стираются ранее выраженные границы стилевых признаков, появляются реалистические тенденции в изображении природы в изделиях прикладного искусства. В конце XIX – начале XX в. наблюдается сближение русской и татарской культур в целом, и всё же стиль и каноны мусульманского искусства, с одной стороны, и этническая традиция – с другой, определяли и определяют национальную самобытность татарской художественной культуры.

В пространстве архитектурных решений Волжская Булгария также выступает своеобразной провинцией мусульманской цивилизации. Она тяготела к традициям Ближнего Востока и Средней Азии.

Исследованию Волжской Булгарии, её архитектурно-художественных особенностей были посвящены труды А. С. Башкирова, Б. Н. Засыпкина, Ф. Х. Валеева, Г. Валеевой-Сулеймановой, А. П. Смирнова, Р. Г. Фахрутдинова, С. М. Червонной и др.

По мнению А. П. Смирнова, «сохранившиеся материалы, в том числе археологические, свидетельствуют о различных видах архитектурных декораций – фресковых росписях, майоликовой и мозаичной облицовке внутренних стен и гробниц в мавзолеях, резьбе по камню и гипсовому литью. Геометрические и растительные композиции орнамента в сочетании с арабскими надписями в стиле “куфи” и “наسخ” применялись для акцентирования наиболее важных частей здания – оконных и дверных проемов, ниш, архивольтов, карнизов и др.» [Там же].

Красочная многоцветность декоративного убранства татарских мечетей, жилых и общественных зданий, ханских усыпальниц сближает их облик с ближневосточной и малоазийской мусульманской архитектурой.

Растительные культы в Средней Азии и Татарстане

В Средней Азии и Татарстане огромное влияние на развитие декоративно-прикладного искусства оказали культуры политеизма и зороастризма (в Средней Азии), сложившиеся ещё до принятия ислама. «Среди идей, порождённых культурой примитивного земледелия, важное место занимает мысль о возможности и необходимости помогать природе в плодоношении магическими средствами. Эта идея породила многие древние культы, в своей основе являвшиеся выражением культа природы» [6, с. 31].

Зооморфные мотивы и «звериный стиль» в искусстве поволжских булгар не были реалистическими, они были условны, стилизованы и схематичны. Антропоморфные образы почти полностью отсутствуют. Изображали лишь языческих богов: Тенгри и Куар.

С появлением мусульман зооморфные мотивы язычества постепенно исчезают и к концу домонгольского периода постепенно заменяются цветочно-растительными и геометрическими узорами.

В этой связи огромный интерес представляет весенний праздник «красного цветка» – тюльпана или мака – как древний культ, который, вероятно, существовал ещё до прихода ислама. Именно этот цветок символизировал весеннюю воскресающую растительность. Он отражал не только культ природы, присутствовавший у этих народов, но и развившийся в земледельческой цивилизации культ умирающих и воскресающих божеств растительности. Исследователь Е. М. Пещерева открыла для науки и описала праздник тюльпана в Исфаре. Она сделала предположение, что собирание тюльпанов символизировало поиски останков божества, обряд, зафиксированный ещё в древнекитайских источниках. Связывание тюльпанов в букеты или соединение их в букет-деревце символизировало «соединение разрозненных частей его тела» [4, с. 376] и, вероятно, было условием его воскресения. В мусульманской культуре в целом есть заимствования у арабов, например, тюльпаны – это кровь убитого Хусейна, выходящая весной на поверхность земли. Это поверье, по мнению Е. М. Пещеревой, имеет по сюжету переключку с культом Адониса, кровь которого символизировала весенний цветок красного цвета – анемон. В этой связи исследователь Е. М. Пещерева считает, что Хусейн стал мусульманской ипостасью вытесненного исламом древнего умирающего божества.

По свидетельству узбекского этнографа Хаёта Исмаиловича Исмаилова, в Паркенте (теперь Ташкентская обл.), население которого относилось к группе узбеков-сартов, ещё в начале века отмечали «праздник маков». Девушки выходили на праздник очень нарядными, многие были одеты в красный цвет, так, что, по словам этнографа, «сами были похожи на маки» [7, с. 11]. Сведения о «празднике красного цветка» также записал этнограф Н. П. Лобачёва [3, с. 120-121]. В зависимости от местности и природных условий тюльпаны росли в горах, а маки – на равнинах, праздник посвящался тому или иному цветку. Его изображение запечатлено не только в орнаментах одежды, но и металлического декора.

В европейскую культуру тюльпан попадает через Турцию (отсюда его ошибочное название, как производная от слова «тюрбан»). Сорты всемирно известных голландских тюльпанов были сконструированы из цветов, привезённых не только из Турции, но и казахских степей.

В настоящее время «праздник красного цветка» возрождается и проводится на государственном уровне в Таджикистане, Туркмении и Узбекистане. Отмечают его и в Иране.

Культ красного цветка также очень популярен и отражён в орнаменте многих народов. Только в Средней Азии примеры его использования присутствуют в вышивке многих центров: Бухары, Самарканда, Хорезма, Шахрисабза, Карши. Культ красного цветка приурочен к наврузу в день весеннего равноденствия, который в восточном календаре являлся началом Нового года. Появление весенних цветов было знаком для начала возделывания земли, а цветочный декор в свадебных вышивках должен был готовить к благополучной свадебной ночи, обеспечивая плодovitость невесты. В целом в символике вышивки, как уже было отмечено, заложена идея покровительства природных сил.

Стилизованное изображение птичек и коней в тех же вышивках, вероятнее всего, пришло из зороастризма и связано с культом огня.

Сузани – свадебное покрывало в Узбекистане, сюзане – в переводе с таджикского – шитый иглой ковер в Таджикистане, Узбекистане, Иране. Очень часто центром композиции или, по крайней мере, способом акцентирования становится красный цветок на белом, жёлтом или синем фоне. Он является, как самостоятельным элементом, так и объединённым в цветочных кругах составным элементом свадебного покрывала. Часто соседствуют красный и жёлтый (золотой). В этом нам видится переключка со старорусскими свадебными нарядами – жёлтыми в первый день свадьбы (жёлтый летник) и красными – во второй (красный сарафан). Отсюда сразу понятен смысл русского романса: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...» [8]. Стилизованные изображения символических фигурок зороастризма – коней и птиц – также присутствуют в русских вышивках.

Красный цветок – в центре композиции многих татарских вышивок. В значительной степени используются золотосеребряные нити. В одежде узоры становились оберегами и поэтому располагались рядом с наиболее уязвимыми точками на теле, что являлось универсальным для культуры многих народов.

Элементы древних культов сохранили своё значение и в иных областях современной культуры. Тюркские имена, столь распространённые в границах Российского государства и за его пределами, являются отражением древних культов. Вероятно, наиболее интересны для нас татарские имена, которые как будто подтверждают данное высказывание.

Татарские имена наделены определённой поэтической мечтательностью. Но если мужские имена порой связаны с царственными хищными зверями, то женские – часто воспроизводят названия цветов, заимствованные из арабского, тюркского, латинского; вариации на тему Гуль-цветка, сравнения со звёздами, инжиром и финиками.

Существуют также и сравнения с животными: Ленора – Дочь льва; Лея – Антилопа.

Для сравнения, у арабов: Азхар – Цветущая; Захрах – Цветок, красота, звезда; Наувар – Цветок; Уарда – Роза. Присутствуют и сравнения с грациозными животными: Маха – Газель.

Растительный орнамент в искусстве мусульман, как и соседних народов, схематизировался и абстрагировался. Но в основе были произрастающие именно на этой территории виды растений (например, вьюнок). Они объединялись в композиции, «некоторые были связаны с фольклором (например, стилизованные под орнамент изображения птицы, гуся, филина, змеи), поэтическим иносказанием, живым наблюдением природы» [1]. Орнамент становится всё более обобщённым, подчиняясь заданному ритму, выстраивая целую композицию. Некоторые элементы орнамента являются заимствованными: розетка, трилистник, полупальметта являлись наиболее общим и абстрагированным выражением растительной природы.

Растительные мотивы сохраняются в декоративно-прикладном искусстве этих народов как при оформлении костюма, так и в металлических изделиях, в оформлении предметов быта и посуды, а также фасадов и интерьеров. Ограничение парадигм изобразительного искусства, в том числе и в декоре, определяется эффективностью их применения для моделирования конкретных способов передачи информации. В наши дни эти ремёсла сохраняют свою актуальность, и очевидна необходимость возвращения к истокам и традициям в повседневной жизни и культуре.

Список источников

1. **Валеева-Сулейманова Г. Ф.** Мусульманское искусство татар Среднего Поволжья: истоки и развитие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tataroved.ru/institut/islamoved/publ/1> (дата обращения: 20.09.2017).
2. **Гибб Х. А. Р.** Арабская литература. Классический период / пер. А. Б. Халидова, П. А. Грязневича; Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1960. 184 с.
3. **Лобачёва Н. П.** Формирование новой обрядности узбеков. М.: Наука, 1975. 140 с.
4. **Пещерева Е. М.** Праздник тюльпана (Лола) села Исфара Кокандского уезда // В. В. Бартольд – туркестанские друзья, ученики и почитатели: сборник / ред. А. Э. Шмидт, Е. К. Бетгер; О-во для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент: КазГИЗ, 1927. С. 374-385.
5. **Смирнов А. П.** Волжские булгары: монография. М.: Издание Государственного исторического музея, 1951. 302 с.
6. **Сухарева О. А.** Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: историко-этнографические очерки / отв. ред. В. Н. Басилов. М.: Наука, 1986. С. 31-32.
7. **Шаниязов К. Ш., Исмаилов Х. И.** Этнографические очерки материальной культуры узбеков конец XIX – начало XX в. Ташкент: Фан, 1981. 124 с.
8. <http://pesni.retroportal.ru/sr2/01.shtml> (дата обращения: 20.09.2017).

FLORAL MOTIFS IN THE APPLIED ARTS OF CENTRAL ASIA AND TATARSTAN

Baikova Ekaterina Vladimirovna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
baykovaekaterina@yandex.ru

In the article the structural-semiotic study of floral motifs in Central Asia and Tatarstan and the determination of their occurrence in the ornamental images of these cultures are presented. The author singles out the functions of protection and the fertility cult, interprets the folk ideas about the immortal gardens of the Muslim paradise, the fantastic and the real floral forms surrounding the inhabitants of the oases, and compares the floral cults and ornaments of mountain and plain areas.

Key words and phrases: floral motifs; Tatarstan; Central Asia; suzani; susanee.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье изучена проблема социального контроля над жизнью российского села в конце XIX – начале XX века. Изучена степень эффективности деятельности земских начальников губерний Центрального Черноземья. Установлено отношение сельского населения к функционированию этой формы государственного попечения. Сделан вывод о том, что осуществление властной опеки происходило из объективных реалий села, соответствовало крестьянскому менталитету и способствовало развитию правовой культуры деревенских жителей.

Ключевые слова и фразы: сельские общества; земские начальники; власть; крестьяне; сход; волостной суд; закон; преступность.

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
vladyka62@mail.ru

Ерин Павел Викторович, к.и.н.
Мичуринский государственный аграрный университет
erin1987@mail.ru

**ПОПЕЧЕНИЕ КАК ФОРМА КОНТРОЛЯ ВЛАСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 15-01-00117а.

Проблема социального контроля и его действенности всегда была актуальной для исторических исследований. Поиск рычагов воздействия власти на общество с целью достижения лояльности населения и управляемости его общественной активностью значим и для современности. В эпоху перемен, влекущих рост девиаций в общественном поведении, наличие или создание такого механизма, как показывает исторический опыт, является одним из способов самосохранения власти.

Тема роли и значения института земских участковых начальников находится в поле исследовательского интереса ученых, о чем свидетельствуют научные публикации последних лет. Внимание специалистов привлекают вопросы целесообразности введения данного института [6] и действенности контроля над ним [5], а также содержания административных и судебных функций земских начальников [1; 9; 10; 14], их взаимоотношения с органами сельского управления и губернской администрацией [4; 5].

Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить значение земских начальников в функции контроля власти над общественными отношениями в российской деревне конца XIX – начала XX в., их роль в борьбе с правонарушениями сельского населения, реакцию крестьян на создание и функционирование этого института.

Содержание работы основано на широком круге архивных и этнографических источников, включающих в себя материалы фондов участковых земских начальников, волостных судов, местной администрации губерний Центрального Черноземья периода 1880-1910-х гг.

Развитие российского села в пореформенный период обнаружило ряд явлений, имевших негативные последствия на состоянии социальных отношений в деревне. Тревогу власти вызывали ухудшение криминальной ситуации, противоречия и рост напряженности на сходах, низкая управленческая культура выборных должностных лиц, состояние волостного судопроизводства. Исправить ситуацию был призван институт земских участковых начальников, введенный законом от 12 июля 1889 г. Его созданием преследовалась цель соединить попечительство над сельскими обывателями с обязанностями по охране благочиния и общественного порядка. Следует признать, что сама форма контроля вполне соответствовала традиции крестьянского патернализма. Подтверждением тому служит записка неизвестного автора на имя В. К. Плеве, в которой он утверждает, что крестьяне одобряли допущенное законом 12 июля 1889 г. расширение надзора за сельским самоуправлением и некоторое ограничение его самостоятельности [7, д. 134, л. 14].